

Винцент Крюков

ПЕРЕЛЬНАЯ ВЬЮГА

Замерзает воздух

18+

Винцент Крюков
Пепельная вьюга

«Автор»

2026

Крюков В.

Пепельная выюга / В. Крюков — «Автор», 2026

Мария давно перестала чувствовать. Карьера поглотила мечты, рутина — желания. Единственное, что ещё теплилось, — детская мечта о другом мире, где она могла бы стать героиней. Но опоздала. Предыдущий герой уже "спас" этот мир. Он высвободил силу, выжегшую небо как второе солнце. Теперь здесь царит вечная пепельная зима, где эльфы едят крыс, люди живут в пещерах, а спасители человечества — это людоед и падший ангел. Магия Аурелии питается эмоциями, но местные давно позабыли, что такое надежда. Тысячи попаданцев, оказавшихся здесь до Марии, искали лишь вечного покоя. Пустые, сломленные и покорные смерти, они становились просто ресурсом. Мария тоже считала себя пустой. До момента, пока мёрзлый пепел не забил лёгкие. Она осознала, куда попала, и почувствовала, как внутри просыпается забытое: страх и желание жить. И теперь её пробудившиеся чувства станут сильнее любой магии. Сможет ли она вселить надежду в мир, который уже умер? Или пепел поглотит её, как и всех остальных?

© Крюков В., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 0.1: Так ли плох наш мир?	5
Глава 0.2: О-однажды были х-хорошие времена	10
Глава 0.3: Мечта о других мирах	14
Глава 0.4: Завтрак неизвестного происхождения	16
INTERLUDE I	21
Глава 1.1: Мгла неизвестного мира	22
Глава 1.2: Червивый поход	27
Глава 1.3: Осколки морали	32

Винцент Крюков

Пепельная вьюга

Глава 0.1: Так ли плох наш мир?

Мария очнулась в густом мёртвом лесу. Она лежала на снегу, сжавшись в комок, и первое, что ощутила - абсолютную, мертвую тишину. Затем она заметила густую, серую мглу. Туман. Он окутывал всё вокруг плотным, неподвижным одеялом.

В голове мелькнула странная, неуместная мысль — воспоминание из детства. Бабушка всегда говорила: «Зимний туман — к оттепели».

Губы сами собой слегка растянулись в улыбку. Значит, не всё так плохо? Значит, скоро потеплее...

Она сделала глубокий вдох, и в грудь словно вонзились тысячи ледяных игл. Воздух казался разбитым на тысячи осколков. Каждый вдох обжигал гортань, мгновенно замораживая влагу в легких.

Мария согнулась пополам, пытаясь откашляться, но вместо звука из горла вырвался лишь сиплый, болезненный хрип. Она перевернулась на живот и уперлась ладонями в снег, который на ощупь казался странным.

Мозг, оглушенный болью, отказывался верить. Ведь она прекрасно помнила: минуту назад было лето. Жара. Душное метро. А не этот...

...снег?

Дрожащей рукой она зачерпнула горсть «снега». Холодная, жирная пыль рассыпалась меж пальцев, оставляя грязные разводы. И до неё наконец дошло.

Это был пепел. Холодный, мертвый, вездесущий. Он забивался в ноздри, въедался в лёгкие, щипал глаза. «Где я?», «Что это за пепел?», «Я умерла?» — проносились мысли в голове.

Взгляд упал на что-то белое в серой грязи. Пустой, с проломленным виском. Человеческий череп.

Мария отшатнулась, сердце забило где-то в горле. Неужели она встретит свой конец здесь?

Пятясь назад, она зацепила ногой тонкую, натянутую струну.

Дзинь.

Тихий, но резкий звук колокольчика разрезал тишину. Ловушка?

Мысль обожгла сознание. Животных здесь нет — лес слишком мёртв для зверей. Тогда для кого эта ловушка? Ответ пришёл сам — **для таких, как она.**

Холод пробил её насквозь. Колени задрожали, руки инстинктивно сжались вокруг груди. «Господи, только не это...»

Из тумана донесся нарастающий свист. Ближе. Ещё ближе. Сверху!

Мария вскинула голову, но было уже поздно.

Земля ушла из-под ног. Невидимый хват сдавил рёбра, выбив остатки воздуха из лёгких. Её потянули вверх, в серую мглу, как ястреб уносит кролика.

Убьют? Съедят?

Разум кричал: «Люди не летают!», но тело чувствовало иначе. Земля внизу стремительно удалилась.

Похититель летел невысоко — всего в паре метров над сугробами. Шанс был. Если вырваться сейчас, она упадет в мягкий пепел...

Мария забилась, пытаясь разжать невидимую хватку, но тиски держали крепко, как сталь. Вспышка адреналина угасла так же быстро, как и появилась. Сил бороться не было. Она обмякла, уже чувствуя себя куском мяса на скотобойне.

Они приблизились к холму, на котором возвышался купол старой обсерватории. Хватка разжалась, и Мария рухнула в грязный пепел у массивных дверей.

Исхода было два: бежать и замерзнуть насмерть в этом тумане или войти внутрь и, возможно, быть съеденной.

«Может, хоть убьют быстро?»

Мария с трудом приподнялась на локтях и наконец увидела своего похитителя.

Это была девочка, на вид не старше тринадцати лет. Но от обычного подростка её отличало нечто странное. Над головой тускло, словно закат, светился нимб в виде часового циферблата.

Из-под медно-рыжих волос, едва касавшихся шеи, выглядывали едва заметные рожки, а возле ушей трепетали миниатюрные крылышки. На ней был пуховик, который был ей явно велик и почти волочился по земле.

Незнакомка зацепила взгляд на Марии и на чистом английском произнесла:

— Pray that Rodion will spare you.

(«Молись, чтобы Родион пощадил тебя».)

Откуда она знает английский? Мария не успела даже удивиться как тяжёлая дверь со скрежетом отворилась...

Первым, что ударило в нос, был запах. Густой, спертый воздух, пропитанный гарью костра, но сквозь дым отчетливо пробивалось что-то еще. Тяжелый, сладковатый аромат железа. Запах крови.

У Марии мгновенно запульсировало в висках, к тошноте от холода добавилась и головная боль.

Обсерватория внутри казалась неестественно огромной. На втором ярусе в хаотичном порядке лежали кристаллы, свитки, ноутбуки, смартфоны, автозапчасти и прочий хлам. На первом этаже вокруг костра были разложены два спальных мешка.

Мария пребывала в полном замешательстве. Другой мир? Но тогда откуда здесь вещи из её мира? А если это её мир, то почему эта девушка выглядит так иначе? И как она вообще принесла её сюда по воздуху?

Всё это — сплошное безумие.

В центре комнаты, около костра, стоял человек. Серебряные, почти белые волосы сливались с пеплом за грязными окнами. Он был неестественно худым. Но что больше всего Марию напугало: это его одежда — она была покрыта тёмными, въевшимися, маслянистыми пятнами.

Страх тут же парализовал ее.

И вот фигура медленно повернулась к ней. В его руке тускло блеснул длинный кинжал.

«Всё, конец. Сейчас убьют.»

Он крикнул что-то на незнакомом языке.

Девушка с нимбом отреагировала мгновенно: жесткая ткань, взявшаяся словно из ниоткуда, прижалась к губам Марии, заглушая любые звуки. Девочка удерживала её с неестественной силой. Тот, кого она назвала Родионом, подошёл вплотную. Вместе с ним навалился и тяжелый, удушливый смрад — запах крови, въевшийся в его одежду.

Лезвие коснулось её шеи.

Мария зажмурилась, чувствуя, как по щекам катятся горящие слезы. Кричать она не могла — грязная тряпка во рту глушила любые звуки, превращая их в жалкое мычание.

Она ждала удара. Как холодная сталь войдет в глотку. И наконец смерть.

...

Но ничего не происходило.

Ее тело дрожало, она приоткрыла один глаз. И обомлела.

Прямо над её грудью, пульсируя слабым алым светом, в воздухе висел сгусток энергии. Он имел форму сердца — бьющегося, но сотканного из света. Оно трепетало в такт её бешеному пульсу, оно было беззащитным и хрупким.

Родион перехватил кинжал обратным хватом.

И со всего размаха вогнал его в каменный пол.

Скрежет.

Ослепительный фонтан света ударил из трещины в камне. Белая магия, чистая и яркая, устремилась вверх и до последней искры впиталась в алое сердце Марии. Сгусток вспыхнул сильнее и медленно растворился в её груди.

Лицо мужчины изменилось. Идеально гладкая, ледяная маска вдруг дала трещину: его губы чуть дрогнули, а пальцы, сжимавшие рукоять кинжала, побелели от напряжения. В тусклых красных глазах, привыкших видеть лишь пепел и смерть, вспыхнул лихорадочный, голодный блеск. Он медленно выдохнул, убрал клинок в ножны и коротко кивнул девочке.

Она резким движением выдернула тряпку. Мария жадно хватала ртом воздух, откашливаясь.

— What language do you speak? («На каком языке разговариваешь?») — спросил Родион резко, глядя ей прямо в глаза.

— Р-р-русский, — выдавила из себя Мария, на секунду усомнившись, родной ли это язык.

— Его я понимаю. Значит, работаемся.

Он выпрямился и протянул ей руку. Ладонь была пустой. Никакого оружия. Только въевшаяся в кожу грязь и кровь.

— Я Родион. Она — Анта. Считай, тебе повезло: ты нам полезна, а значит, ты не умрешь.

Мария смотрела на его окровавленный рукав и не верила ни единому слову. Он только что собирался её зарезать, весь в крови, а теперь говорит что она им полезна?

Но инстинкт сработал быстрее разума. Она, словно кукла, протянула в ответ дрожащую, обмороженную ладонь. Но Родион в ответ отдернул свою.

— М-Мария.

— Тебе и правда повезло, — тихо добавила Анта. Её глаза, похожие на тлеющие угли, мягко светились в полумраке. — Я надеялась, что в этот раз будет иначе. Что-то... ощущалось по-другому.

— Погоди «в этот раз»? — с опаской переспросила Мария.

Родион перебил её, не дав договорить. Его голос звучал сухо, как треск мертвых веток на морозе:

— Буду честен. До тебя были тысячи. Сначала они были ценны как книги. Мы учили ваши языки, слушали истории о технологиях... Они болтали без умолку, думая, что это купит им жизнь.

Он криво усмехнулся, вытирая кинжал тряпкой.

— Но когда знания заканчивались, они становились просто ресурсом. Источником магии. Вещей.

Родион скользнул по Марии оценивающим взглядом мясника.

— **И еды.**

— Поэтому я искал напарника, способного впитывать эти фонтаны. И ты им станешь. Хочешь ты того или нет. — Он сделал паузу, давая словам осесть. — Мы можем отпустить тебя. Двери открыты. Но хочешь ли ты этого? Тебе некуда идти. Только мы с Антой имели дело с попаданцами все эти восемьсот лет. И никто другой тебя не поймёт.

— Но я повторяю: ты можешь нам доверять. Не потому что мы добры или у нас проснулось милосердие. Ты — наш инструмент. Но инструмент ценный. Мы не станем тебя убивать. Ведь мёртвые не помогут спасти этот мир.

«Спасти мир? Что?»

Анта тихо вздохнула, её взгляд упал на тень.

— Может, расскажем ей? Историю о том, что случилось. На этот раз в этом есть смысл.

Родион кивнул, коротко и резко.

— Валяй.

Голос Анты внезапно изменился. Исчезли резкие, колючие нотки, и теперь её тон стал мягким, тягучим, словно она зачитывала старую сказку ребёнку перед сном. Сказку, которую все в этом мире ненавидели вспоминать, но не могли забыть.

— Давным-давно... Когда небо было голубым, а Аурелия задыхалась от жизни, пришел первый иномирец. Сато. Он верил, что он герой из легенд. И он действительно победил зло. По крайней мере, он думал, что это зло.

Анта сделала паузу, глядя в угасающий костер. Пальцы Марии, вцепившиеся в одежду, всё ещё дрожали.

Разум отказывался воспринимать этот сюрреализм: всего пару минут назад эти двое собирались перерезать ей горло, а теперь мирно сидят у огня и рассказывают сказки.

— Вот только способ он выбрал... радикальный. Он призвал второе солнце и обрушил его на врага. Взрыв разорвал ткань реальности. В образовавшуюся брешь хлынул холод и те, кого мы называем «божествами», хотя с богами ваших религий у них нет ничего общего. Появился Разлом. Один из них, Сингул, своей волей зашил небо в серый пепельный сатин, который висит над нами. Именно он питает Разлом, медленно, капля за каплей, выкачивая жизнь из всех нас.

Анта подошла ближе к огню.

— Сначала никто не понял, что это навсегда. Все думали: «Просто суровая зима». Потом — «Затянувшийся неурожай». Солнце тускнело, растения превращались в серую труху, звери просто исчезали без следа. А люди... — она запнулась, и её голос дрогнул, став похожим на плач матери над пустой колыбелью. — Сначала они были добрыми. Делились последним куском хлеба. Жгли любимые книги и дорогую мебель, лишь бы согреть бедных детей.

Мария слушала, боясь даже вздохнуть. Адреналиновый всплеск начал спадать, оставляя после себя лишь пустоту внутри и ледяной озноб, пробирающий до самых костей.

— А потом запасы кончились. Совсем. Люди начали резать скот. Когда не осталось коров, пришли за собаками и кошками. «Это временно, — шептали они друг другу. — Когда вернётся солнце, мы заведём новых». Но солнце так и не возвращалось. Холод пробирался не в кости, а в разум. Сосед стал смотреть на соседа не с жалостью, а с голодом. Ссора из-за полена могла закончиться убийством. А тело... оно переставало быть телом близкого. Оно становилось мясом. Ресурсом, который позволит прожить ещё один день.

Анта подняла глаза на Марию. В них не было безумия — только бесконечная, выжженная пустота и пролитые слезы.

— Вот куда ты попала, Мария. В мир, который мертв, но отказывается это признать.

Анта кивнула в сторону темного угла на втором ярусе, где горой лежали чужие смартфоны, куртки и рюкзаки.

— До тебя сюда приходили тысячи таких же мечтателей. Искали приключений, магии, спасения от своей земной скуки. Но этот холод убивает эмоции. Те, кто приходил, ломались, едва понимая, что их фэнтезийная сказка — это просто скотобойня. А нам с Родионом... нам оставалось лишь убирать за ними.

— Но что могу тебе сказать этот момент настал. Наконец у нас появился шанс все это изменить.

Марии лишь украдкой удалось поймать её взгляд. Заплаканный, опустошенный, но с крошечной искрой надежды.

Анта отвернулась, глядя в закопчённое стекло, за которым теперь не было видно ничего. Если в лесу сквозь серую мглу ещё что-то угадывалось, то сейчас снаружи воцарилась абсолютная, беспросветная тьма.

Родион тем временем выволок из кучи хлама третий спальник, засаленный и жёсткий, и бросил к её ногам грубую, тяжелую куртку.

— Одевайся и ложись спать. Завтра будем обсуждать план.

Мария, не снимая свою лёгкую одежду, натянула куртку прямо поверх платья и зарылась в мешок. Наконец-то, сквозь онемение и страх, к ней стало пробиваться смутное, драгоценное тепло. Последняя мысль, прежде чем сознание угасло, была похожа на молитву:

«Боже, прошу, пусть это все окажется сном.»

Глава 0.2: О-однажды были х-хорошие времена

Мария открыла глаза. Ее молитва не была услышана. Вокруг та же обсерватория, тот уже тусклый уголек в костре и те же два силуэта в спальниках, Родион с Антой. Казалось, ничего не изменилось.

Она лежала тихо, может час, может два, слушая их дыхание, такое свистящее во сне. Ждала, что вот сейчас окриknут или толкнут, как в тех фильмах про армию, которые они с отцом смотрели. Но ничего.

А может, всё проще? — мелькнула предательская мысль. Они спят долго, потому что во сне голод не мучает?

От лежания все тело затекло. Мария собралась с силами и вылезла из спальника на холодный пол. Её взгляд поднялся снизу вверх, на верхний ярус, где вчера мельком видела кучу вещей.

Пока она поднималась, лестница жалобно скрипела под ногами. Наверху бардак, хлам везде. Она смотрела на ноутбук, смятую флягу, очки с треснувшими стеклами. И ведь каждый из этих предметов кому-то принадлежал.

Среди хлама лежало нечто иное. Кристаллы. Темные, глубокие, они не сверкали, а словно всасывали в себя скудный свет, едва переливаясь. Казалось, синева внутри пульсирует в ритме её сердца. Любопытство и наваждение — пересилило страх. Рука сама потянулась к самому крупному камню...

«Гул двигателя. Дрожь фюзеляжа. Священный ветер в лицо. Он не просто пилот. Он — меч. Меч Императора. Позывной «Цубаса». Мысли чисты, как сталь: честь, долг, вечность Японии. Цель — американский авианосец «Хэнкок». Последний полёт.

7 апреля 1945г. Радио молчит. Ранним утром отряд поднялся в небо. Спустя пару часов полета, они добрались до Окинавы. А вскоре цель была видна невооруженным взглядом.

Он молча поклялся верности императору и сорвался в пике. Он уклонялся от снарядов как мог, но один снаряд прошил обшивку, и мир исчез в огненной вспышке.

...Удар. И холодный пепел на губах.

Их двое. Девочка с нимбом-циферблатом и беловолосый палач. Обсерватория. Допрос.

Они задавали вопросы на ломаном японском. Но как они знают язык? Откуда? Альбинос говорит, ибо таков приказ — погибнуть в верности Императору.

...

Кинжал взлетает. Лезвие входит не в душу, а в горло, с хрустом рассекая трахею.

Кровь заливают легкие. Вместо крика — булькающий хрип. Мир опрокидывается на бок. Перед глазами — лишь грязные сапоги и пепел.

«## (Лжецы)», — гаснет последняя мысль.

Мария отшатнулась, выронив кристалл. Ее ноги подкосились и она рухнула на пол, давась сухим кашлем. Во рту стоял вкус крови и бензина. Она прожила чужую смерть. Далеко не славную, а жестокую и циничную.

С трудом поднявшись, она увидела рядом с кристаллом стопку пожелтевших бумаг — рукописные записи на японском, схемы самолетов, карты с отметками флота. Мария положила кристалл обратно, решила больше не трогать такие подозрительные вещи.

— Я так полагаю, тебе тут весело перебирать наши вещи? — произнес Родион, с ноткой насмешки.

Мария вздрогнула и, пошатнувшись, осела, упираясь спиной в полки. Она подняла голову и увидела Родиона. Он стоял, скрестив руки, его лицо в полумраке казалось усталым, а не злым.

— И-извини! Я проснулась и не хотела будить — ее слова путались, вылетая рваными кусками. Мария машинально прикрыла лицо и шею руками, зажмурившись, ожидая знакомого хруста и жжения в горле.

— Тихо, — сказал он, и в его голосе не было угрозы, только усталая просьба. Он сделал шаг вперед, глядя на неё сверху вниз. Она сидела на холодном камне, съёжившись. — Не буди Анту. И с кристаллами — аккуратнее. Разобьёшь, придётся по осколкам восстанавливать. Морока.

— Я... я больше никогда к ним не прикоснусь, — прошептала Мария, пытаясь встать.

Но ноги подкосились. Тело после чужой смерти стало ватным. Она покачнулась и снова осела на пол.

Родион вздохнул — коротко, шумно. Он медленно наклонился и протянул ей руку.

Ладонь была грубой, в мелких шрамах, но чистой. И пустой.

Мария замерла. Сейчас у него точно выскочит нож из под рукава и прережет ей горло, как тому пилоту.

Родион заметил её взгляд. В его глазах мелькнула скука. Ждать он не любил.

Он закатил глаза и, не дожидаясь решения, сам перехватил её запястье, рывком вздергивая на ноги.

— С-спасибо, — выдавила Мария. Её голос предательски дрогнул. Касаться его руки было всё равно что гладить медвежий капкан, но она заставила себя не отшатнуться. Пытаясь восстановить равновесие, она судорожно искала тему для разговора. Любую. Лишь бы не думать о перерезанном горле. Лишь бы заполнить эту жуткую тишину своими словами, пока он снова не решил пустить в ход нож.

— И всё же Почему ты в прошлый раз так резко одернул руку?

Он посмотрел на неё, слегка приподняв серебряную бровь.

— Тебя это действительно волнует? — спросил он ровным голосом. — Я просто показал, что не вооружен. Ваши земные привычки — рукопожатия, объятия — здесь не просто чужды. Они опасны. Тебе нужно привыкнуть, что местные не подпускают чужаков на расстояние удара.

Он на мгновение замолчал.

— Хочешь покажу, что сделал бы любой другой местный? — уголок губ дернулся в кривой усмешке. — Рискнешь?

Марию пробил озноб. Инстинкт кричал: «Беги». Но она оставалась на месте, пойманная в ловушку оцепенения. Он вел себя как хищник, но почему-то не нападал.

— Ну? — поторопил он, снова протягивая раскрытую ладонь.

Собравшись с духом, Мария медленно положила свою руку.

В ту же секунду ловушка захлопнулась.

Родион перехватил её запястье — аккуратной, но железной хваткой. Резким, выверенным движением он дернул её на себя. Мария ахнула, теряя равновесие, и полетела вперед, ожидая, что он сейчас отступит в сторону и она со всего маху рухнет на камни.

Но удара не последовало.

Она оказалась прижата к нему. Слишком близко. В нос ударил запах старого пепла и холода, исходящий от его одежды. Она чувствовала, как под грубой тканью куртки ровно и спокойно бьется его сердце — в пугающем контрасте с её собственным, готовым выпрыгнуть из груди.

— Если ты так доверчиво протянешь руку здесь, — прошептал Родион ей в самое ухо, и от его ледяного дыхания по коже поползли мурашки, — тебе её просто оторвут. С мясом. **И начнут жрать на твоих глазах, пока ты ещё будешь в сознании.**

Слова были ужасающими. Но его рука на её спине держала крепко, не давая упасть. Этот контраст — угроза смерти и физическая защита — сбивал с толку окончательно.

Он медленно разжал пальцы и отступил на шаг, разрывая контакт. Холод сразу же вернулся, обхватив Марию за плечи.

— Не больно хоть? — буркнул Родион, отводя взгляд и потирая шею.

Мария медленно согнула пальцы, проверяя запястье. Синяки не появятся. Он рассчитал силу идеально.

— Да... всё в порядке.

— И чего вы тут шушукаетесь? — раздался сонный голос снизу.

Анта, закутанная в свой пуховик, подглядывала за ними с нижнего яруса, её нимб светился тускло, как угасающий уголь. Она смотрела на них затуманенными глазами.

— Я думала, флиртовать вы начнёте попозже.

Родион скривился так, словно съел лимон. И вдруг вся его загадочность мигом испарилась.

— Не носи чушь, Анта. Я просто объяснял ей технику безопасности. — Он холодно глянул на Марию. — Для меня она — такой же чужак, как и остальные. Просто полезный. И... не спеши с выводами.

Он развернулся и подошел к столу с картами.

— И раз уж ты проснулась, хватит болтать. Нам нужно обсудить план.

— Потом. Я только проснулась. — Анта зевнула, обнажив ряд слишком острых, ровных зубов. — Мне нужно поесть, я голодаю уже два дня.

— LBH QBA'G UNIR GB GNYX NOBHG VG, FGEVC GUR ZRNG BSS GUR PBECFR NAQ RNG VG. — сказал Родион.

— BU, V'Z FBEEL, V SBETBG NOBHG URE.

Речь Анты звучала не как слова, а как странный, вибрирующий гул, от которого заломило зубы.

— OHG FGVYY, ZNLOR LBH'YY PBBX VG? LBH PNA NYFB SRRQ ZNEVN. V QBA'G JNAG GB RNG ENJ ZRNG.

— BX, GUNG ZNXRF FRAFR.

Родион коротко кивнул, соглашаясь. Но на его лице читалось отвращение.

Он уже начал спускаться по лестнице, но внезапно замер и обернулся к Марии:

— И да. Тест ты провалила.

— И что все это значит? — робко спросила Мария, чувствуя себя немного потерянной.

Анта повернулась к ней, и её улыбка была другой. В ней не было пугающей «божественной» отстраненности, которой ожидала Мария — только мягкое, почти детское любопытство.

— Мы просто решали, что на завтрак, — сказала она, заметив испуг Марии. — Скучные хозяйственные вопросы. Ты ведь проголодалась, верно?

Мария медленно кивнула, стараясь не думать о происхождении возможной еды.

— Нелегко нам тут приходится. Ох, как нелегко, — вздохнула Анта. Её взгляд стал задумчивым, она подошла ближе к Марии. — Скажи мне... Мария. Как ты думаешь... там, на других материках, у других рас — эльфов, дворфов — им живётся лучше? Может, в этом мире есть места, где ещё можно... просто жить? Без этой вечной борьбы?

Мария растерянно заморгала. Перед глазами стояли лишь пепел, череп и двое безумных выживших в этой обсерватории. Какие эльфы? Какие дворфы? Анта, заметив её замешательство, грустно улыбнулась. Ее смех был тихим, похожим на шелест сухих листьев.

— Ох, я и забыла. Ты ведь их ещё не видела, — она сделала паузу, и её смех угас, сменившись чем-то более глубоким. — Но ты ведь знаешь о людях. О тех, кто остался там, на «той стороне». В твоём мире.

Анта подошла почти вплотную, её нимб-циферблат мягко запульсировал оранжевым.

— Расскажи мне, пожалуйста... пока Родион занят. До этого мне толком и не удавалось поговорить с попаданцами. Родион их... он их ненавидит. Всех до единого. Считает их мусором, который только зря занимает место в этом умирающем мире. Узнавал что хотел и убивал.

Она на мгновение оглянулась на лестницу, по которой спустился Родион, а затем снова посмотрела на Марию с какой-то робкой надеждой.

— С тобой он обращается иначе. Мягче. Для него «дружелюбие» — это просто не убить в первую минуту. Но всё же...

— Расскажи мне. Какова она — жизнь там, где светит настоящее солнце? Правда ли, что можно вдохнуть полной грудью и не задохнуться насмерть? Правда ли, что люди могут смотреть друг на друга и не думать о голоде?

В этом вопросе было столько боли, что Мария на секунду забыла о собственном страхе. Она вдруг поняла: эти двое, несмотря на пугающую внешность и окровавленные ножи, были самыми одинокими существами во Вселенной. Они жаждали хотя бы сказки о мире, который потеряли навсегда.

Анта похлопала ладонью по ступеньке рядом с собой, приглашая Марию сесть.

— Прошу тебя. Просто расскажи.

Глава 0.3: Мечта о других мирах

Мария опустила на холодную ступеньку рядом с ней.

— Мой мир? — девушка потеряла замерзшие пальцы. — Он был... шумным. Новости в соцсетях орали про кризисы, войны, катастрофы. Я смотрела их каждый вечер, как под гипнозом. Не знаю зачем. Может, ждала конца света? От этого вечного стресса я чувствовала себя выжатой как лимон.

Анта медленно повернула голову к костру. Ногой она начала ковырять пол. Языки пламени плясали в её глазах, отражаясь.

— Скучно, — мягко перебила Анта. — Политика, техника... Все попаданцы начинают с этого.

Она подняла на Марию пытливый взгляд.

— Я спрашиваю не про мир, а про тебя. Как ты дышала? Чему смеялась? Что заставляло твое сердце биться чаще?

Мария растерялась. Вопрос казался простым. Она попыталась вспомнить солнце на лице, мурлыканье кошки, вкус любимой еды или мамы объятия... Но внутри ничего не отзывалось.

Воспоминания ощущались словно выцветшие фотографии за толстым стеклом. Она помнила жизнь, но совершенно забыла чувства.

— Да как у всех... — Мария зябко повела плечами. — Обычная школа. Сплетни на переменах в коридорах: кто с кем встречается, что сейчас носят... Помню, на экзамене меня так трясло от паники, что экзаменатору пришлось меня успокаивать. Сейчас это кажется такой нелепой глупостью, а тогда... тогда я думала, что это конец света.

Она грустно усмехнулась, глядя на искры от костра.

— Потом — университет. Я выбрала математический факультет. Сплошные формулы, графики, бесконечные лекции. Парни иногда звали куда-нибудь... в кино или просто погулять. Но я отказывалась. Говорила, что надо готовиться к сессии. Боялась расстроить маму, потерять стипендию...

— А потом... тот вечер. Час пик в метро.... И большая толпа.

Мария замолчала, глядя в огонь.

— Кто-то толкнул меня. Случайно? Специально? Не знаю. Я полетела с края платформы. Слышала визг тормозов, видела слепящие огни поезда... и всё. Боли не было, я просто оказалась здесь.

— И это всё? — Анта склонила голову набок. — Почему ты рассказываешь мне именно это?

— О чём ты?

— Ты рассказываешь о том, чего якобы «добилась» или где «была». А про саму жизнь ты не сказала ни черта.

Мария недоуменно моргнула. Внутри шевельнулось странное чувство — смесь обиды и внезапного озарения. Она попыталась снова:

— Знаешь, я ведь мечтала попасть... в другой мир, — горько усмехнулась Мария. — Читала фэнтези и думала: вот бы сбежать. Эти миры, полные мечей и магии, были намного интереснее реального мира. Иногда, перед сном, я мечтала оказаться в одном из них, подальше от всей этой суеты и суматохи.

— Взять меч, спасти принца, стать героиней. Лишь бы не вставать в семь утра на пары, лишь бы не видеть этих серых лиц в метро. Быть может, даже выступить со своей музыкой в оживленной таверне. А главное, попасть в интересное приключение.

— А в итоге попала сюда, — с горькой насмешкой произнесла Анта. — Как у вас говорят? «Бойся своих желаний». Но я всё равно спрошу: а где же в этой истории была жизнь? Где ты была всё это время?

— Я не знаю — сказала Мария, её слова давались с трудом, словно она вытаскивала их клещами. — Я просто плыла по течению, день за днём, без каких-либо мыслей о будущем.

— То есть, ты ненавидела свой мир? Мир, где тепло и сыто?

— Он был серым! — воскликнула Мария, пытаясь защититься. — Скучным!

— Серым, скучным... да какая разница? — Анта наклонила голову, и её глаза сверкнули. — Неужели там не было ничего, что заставляло твое сердце биться не от страха, а от радости? Ничего, что ты создавала сама, а не потребляла?

Мария открыла рот, чтобы сказать «нет», но слова застряли в горле.

— Было кое-что... — вдруг тихо произнесла Мария. — Музыка.

Память подбросила ощущение: жесткие струны под пальцами, вибрация деки гитары, прижатой к груди.

— Я писала песни. Пела. Возможно тогда я чувствовала себя... живой. Настоящей.

Анта подалась вперед, её нимб вспыхнул.

— И? Почему ты говоришь об этом как былом?

Мария опустила голову.

— Потому что это «несерьезно». Так сказала мама. «Музыкой на хлеб не заработаешь». И я бросила. Я зубрила формулы, а в голове звучали мелодии, которые я никогда не запишу. Выбрала «взрослую» жизнь: карьеру, деньги, статус.

— И ты так просто сдалась? — спросила Анта, в её голосе была смесь разочарования и жалости. Анта резко поднялась на ноги, её тень, отброшенная костром на стену, казалась огромнее и страшнее, чем она сама.

— У вас было солнце, которое грело каждый день. У вас было вдоволь еды и тепла. Ты жила в раю, Мария, и ты даже не заметила этого. А люди? Те, кто были рядом?

Мария горько усмехнулась, и в этой усмешке впервые появился намек на сумасшедшую атмосферу, которая царила здесь.

— Люди? Кроме одной подруги я их и не запомнила. Знаешь, Анта в моем мире у каждого на голове будто надет мешок. Плотный, серый мешок. И чтобы заметить в ком-то личность, нужно приложить усилие, снять этот мешок. Но всем слишком лень.

Наступила долгая пауза. Только треск поленьев нарушал тишину внутри обсерватории. Анта смотрела на Марию долго, очень внимательно, как будто пыталась понять, что происходит у неё внутри.

Она медленно перевела взгляд в угол зала.

Возле выхода, среди кучи одежды, лежала пыльная скрипка с порванной струной. А рядом, прислоненная к стене, тускло блестела массивная, зазубренная алебарда, покрытая бурыми пятнами.

— Я поняла, — прошептала Анта. На её губах заиграла странная, но мягкая улыбка.

— Что поняла?

Анта подмигнула — легко, по-детски, но от этого стало только страшнее.

— Сама скоро узнаешь. Идем. Родион уже, кажется, приготовил нам... завтрак.

Она развернулась и легко, почти не касаясь пола, направилась к лестнице, оставив Марию наедине с эхом своих собственных слов о мире, который она никогда не ценила.

Глава 0.4: Завтрак неизвестного происхождения

Снизу раздался крик.

— Мария! Ты чего не идешь? Живее спускайся, мы и тебе приготовили!

Стоило Марии лишь на мгновение допустить мысль о еде, как желудок отозвался болезненным спазмом. Голод в этом мире не был обычным чувством: он казался живым паразитом, вгрызающимся в желудок. Она не знала, чем именно Родион мог ее накормить, и эта неизвестность пугала больше, чем само истощение.

— Н-нет... Я не хочу. — Ее собственный голос прозвучал жалко, утонув в пыльном воздухе обсерватории.

Живот снова предательски заурчал, требуя еды.

Она все же спустилась на нижний этаж обсерватории, которую Родион с Антой переоборудовали под кухню. Палач посадил Марию за стол и сказал сидеть смирно.

Мария замерла. Её взгляд остекленел. Она явно ожидала подставы. Но если взглянуть еще раз...

Родион. Он был обычного роста, но его худоба переходила все границы разумного. Кожа, бледная и натянутая, едва скрывала острые углы костей. Он сам напоминал оживший скелет, вечно гонимый тем же неутолимим голодом, что и все здесь в этом проклятом месте. «Если он ест то же самое, что и я... может, это не отрава?» — промелькнула слабая надежда.

На столе стояли миски. Полные мяса — крупные, волокнистые куски с вытекающим соком. Анта уже вовсю работала вилкой, её лицо выражало странное, почти экстатическое блаженство. Родион наоборот, глотал куски, даже не жуя.

Дрожащими пальцами Мария подняла вилку. Она поднесла кусочек ко рту, чувствуя, как по губе стекает липкий, тяжелый сок.

Вкус был... божественным.

Мясо таяло на языке, оно было мягким, пугающе нежным. Слишком нежным.

Мария сглотнула, чувствуя, как тепло разливается по пищеводу, но вдруг внутри всё заledenело от одной мысли.

— А... откуда это мясо? — её голос перешел на шепот.

Родион лениво поднял взгляд.

— Не копайся в происхождении еды, — ровно произнес он. — Ешь.

Он снова опустил вилку в миску, всем своим видом показывая, что разговор окончен.

Марии казалось, что он явно что-то недоговаривал. В голове пульсировала только одна мысль, от которой к горлу подступила тошнота.

Желудок скрутило в узел. Она зажала рот рукой, сдерживая рвотный позыв, и с грохотом отодвинула тарелку.

Каждый съеденный кусочек теперь казался тяжелым грехом, свинцом, тянущим её в ад. Мария молчала, низко опустив голову. Она слышала, как её собственное сердце колотится о ребра.

Родион выдохнул, тяжело и медленно.

— Запомни. Ешь или сдохни голодной. Выбор за тобой. В нашем положении привередливость — самый быстрый способ сдохнуть. В мёртвом мире — мёртвая мораль. В вашем мире можно быть «человечными». Здесь — нет.

Родион замолчал, задумавшись на миг.

— Я бы и сам с радостью поедал вкусные яблоки, но увы. Мы живем здесь. И мы едим то, что попадается.

Мария не подняла глаз. Вина и отвращение душили её сильнее голода.

Родион встал, подошел к ней вплотную и присел на корточки, заглядывая в лицо.

— Скажи мне, кто тебя осудит? Перед кем ты виновата? Перед тем бедолагой, который всё равно бы сдох в этих пустошах, но в итоге принес пользу нам?

— Я сама могла быть на его месте! — вскрикнула Мария, вскакивая со стула так резко, что тот упал на пол. — Если бы не этот чертов фонтан, ты бы зарезал меня, как скотину, и подал бы к столу, да?!

Она бросилась прочь из кухни, судорожно цепляясь за перила.

Родион и Анта обменялись долгим взглядом.

— Ты сам ее до этого довел. — сказала она и встала из-за стола. — Я пойду ее успокою, а ты... поройся в старых запасах. Найди что-нибудь. Уверена, к мясу она еще не скоро притрется.

Анта поднялась наверх. Мария забилась в угол возле затухающего костра, обхватив колени руками и дрожа всем телом.

...Она тихо подошла и опустилась на пол рядом с Марией. Анта не пыталась дотронуться, лишь подтянула колени к груди, укутываясь в свой огромный пуховик. Её нимб едва тлел, отбрасывая слабые оранжевые блики на заплаканное лицо девушки.

Мария судорожно вздохнула, всё еще сжимаясь в комок. Желудок, получивший еду, перестал болеть, но теперь боль переместилась в душу. Она чувствовала себя оскверненной.

— Ты не первая, кто так реагирует, — тихо произнесла Анта. — Знаешь, кого ты мне сейчас напомнила?

Мария всхлипнула, сильнее вжимаясь в стену.

— Вы чудовища... — прошептала она дрожащим голосом. — Как вы можете...

— Чудовища? — Анта издала короткий, горький смешок. — О, Мария... Родион говорил то же самое. Слово в слово.

Анта смотрела на огонь, вспоминая былое время.

— Это случилось в первый раз очень давно. Мы впервые зарубили попаданца. Я тогда была в ужасе, но и каменела от голода, поэтому смерилась сразу. А Родион... В тот момент он просто сел у стены, как ты сейчас.

Анта повернулась к Марии:

— Он не ел три дня. Он высыхал, превращался в мумию, но не прикасался к еде. Его кожа стала серой, губы потрескались до крови. Я умоляла его, плакала, кричала на него, била его своими слабыми кулаками, пытаюсь заставить съесть хоть кусочек. Я кричала: «Ты сдохнешь! Ты бросишь меня здесь одну!».

— И знаешь что он мне ответил?

«Ешь сама, Анта. Я лучше сдохну человеком, чем выживу людоедом». Он изводил меня этим упрямством. Он смотрел на меня как на предательницу, потому что я оказывается хотела чтобы мы выжили.

Мария подняла заплаканные глаза. Нынешний Родион — холодный, пропахший кровью — никак не вязался с тем образом, о котором говорила Анта.

— И... что ты сделала? — шепотом спросила она.

— Я сломала его, — голос Анты дрогнул. — Я силой впихнула еду ему в рот, когда он уже не мог сопротивляться. Когда он понял, что произошло... он плакал. Это был последний раз, когда я видела его слезы. А затем...

Она вдруг осеклась. Её лицо не просто побледнело — оно стало серым, как пепел за окном. Пальцы судорожно впились в ткань пуховика на животе, сминая его так сильно, будто она пыталась удержать что-то, что стремилось вырваться наружу. Или, наоборот, закрыть дыру, которой там не было.

Анта судорожно сглотнула, словно пытаясь протолкнуть застрявший в горле ком.

— Неважно, — хрипло выдавила она, убирая руку. Повисла тишина. Лишь треск костра нарушал гулкую пустоту обсерватории.

— Он был так зол на меня, но он выжил. И теперь он делает то же самое для тебя.

— Заставляя меня есть людей? — с горечью спросила Мария.

— Спасая тебя от выбора, — жестко ответила Анта. — Он берет этот грех на себя. Ведет себя как чудовище, чтобы ты могла ненавидеть его, а не себя. Он не хочет видеть, как кто-то умирает из принципа.

Мария посмотрела на темный проем лестницы. Тошнота никуда не делась, но теперь к ней примешивался холодный ужас осознания.

— «Ешь или сдохни голодной», — эхом повторила она слова Родиона.

— Именно. В этом мире, Мария, любовь выглядит уродливо. И это единственная любовь, которая у нас осталась.

С кухни поднялся Родион. Его шаги по каменному полу были тяжелыми, но тихими. В руках у него было что-то. Он подошел к Марии и, не глядя ей в глаза, протянул смятый предмет.

— Прости, — тихо, почти шепотом произнес он. И тут же отстранился на другую сторону костра.

Мария держала пачку в руках. Упаковка была странной — сморщенной и только чипсы внутри придавали ей объем, а холодная фольга обжигала пальцы.

Девушка инстинктивно дернулась и выронила пачку. И как Родион ее вообще держал в руке?

Она не стала поднимать её сразу. Мария носком ботинка пододвинула пачку ближе к теплу костра. Медленно, с тихим потрескиванием, фольга начала оживать. Газ внутри, сжатый морозом, снова расширялся, расправляя жесткие складки. Пачка надувалась, возвращая себе привычную форму.

Она осторожно потянула за края. Пакет едва открылся и чуть даже не потрескался.

Девушка аккуратно взяла чипсинку и положила в рот. Ломтик сразу рассыпался, стоило его только укусить.

Но вкус...

Это был вкус жареной картошки. Соли. Дешевых специй.

Ещё вчера, сидя в своей теплой комнате, она бы скривилась от этой химии. Но здесь, после пепельного снега, пронизывающего холода и того мяса... этот вкус показался ей нереальным.

Это был вкус безопасности. Маленький, хрупкий осколок её нормальной жизни, чудом уцелевший в этом аду.

От облегчения и дикости ситуации её затрясло. Мария прикрыла рот ладонью, чувствуя, как нервное напряжение последних суток прорывается наружу. По щеке скатилась слеза. Не от тоски по прошлому, а от осознания: она всё ещё жива.

В пачке оставалось ещё немного. Мария вытерла щеку и, пересилив страх, подошла к Родиону. Она молча протянула ему пакет.

Он поднял на неё усталый взгляд. На секунду в его красных глазах мелькнуло сомнение — то ли голод, то ли желание почувствовать вкус нормальной еды. Но он мотнул головой, резко, как от пощечины, отгоняя искушение. Секунду помедлил и тяжело поднялся.

— Не буду. Ешь, — отрезал он. — Тебе нужнее. Твоему телу нужна пища, которая не вызывает отвращения. А я доем то, что осталось в котле. Не пропадать же добру.

Родион спустился во тьму кухни. Анта бесшумно скользнула за ним, оставив Марию наедине с потрескивающим огнем.

Девушка смотрела на пламя. Они оставили его гореть только ради неё. Она механически отправляла в рот ломтик за ломтиком, глядя, как пляшут языки пламени. Это было ее единственным отвлечением.

Вскоре Родион и Анта вернулись. Они молча сели у костра напротив Марии. Оба они выглядели очень серьёзно. Казалось, атмосфера вокруг стала другой, Родион собирается сказать что-то важное.

— Слушай внимательно, Мария, — начал Родион. Его голос стал твердым, лишенным эмоций. — У меня есть цель. Спасти этот мир.

Его ладонь превратилась в кулак.

— Я обладаю силой, отдаленно похожей на ту, что была у Сато. Восемьсот лет я собирал Фонтаны — эмоциональную энергию тех, кто приходил сюда до тебя.

— Но этого было мало, — тихо добавила Анта.

Родион криво усмехнулся.

— Именно. Я — лишь бледная тень Сато. То, что я копил веками, этот ублюдок собрал бы за пару лет.

— Мы пытались найти другую возможность, — подхватила Анта, глядя на Марию. — Мы искали в каждом новом попаданце искру. Но все они были... пустыми. Когда Родион угрожал им, они не сопротивлялись. Они не боялись. Они сидели как куклы, с пустыми глазами, и просто ждали конца. У них не было воли к жизни. А значит, не было и силы.

— Но есть ты, — Родион подался вперед, и свет костра очертил его скулы. — В тот момент, когда ты испугалась и показала свою эссенцию... я ощущал, что в этот раз будет по-другому.

— И мои надежды подтвердились, — продолжил он. — Ты смогла поглотить энергию. Не просто принять, а усвоить её.

Мария почувствовала холодок по спине.

— И что это дает?

— Шанс, — жестко ответил Родион. — Мы попробуем пойти путем объединения. Мы соберем веру и надежду всего этого мира, чтобы пробить барьер и запечатать разлом. Это наш основной план.

Он замолчал, глядя на свои руки.

— Но если мы проиграем... Если боги окажутся сильнее... У меня есть Запасной план.

— Запасной план? — переспросила Мария.

— Крайняя мера. То, что я не хочу применять, пока есть хоть малейшая надежда на жизнь, — уклончиво, но мрачно ответил Родион. — Но для этого плана мне нужно больше энергии, чем есть у меня сейчас. Моих запасов может не хватить, чтобы убить Его.

Он поднял на неё тяжелый взгляд.

— Если ты способна поглощать хотя бы на четверть так же эффективно, как Сато... То мы сможем гарантировать, что этот кошмар закончится. Так или иначе.

Мария посмотрела на него скептически. Объединить мир? Втроем?

Анта перехватила её взгляд и едва заметно кивнула. В её глазах читалось: «Он безумен, но он знает, что делает».

— Мы сейчас находимся на Северном острове. - Родион достал из-за пазухи сложенную карту мира и на ней показал на остров. Мария мельком взглянула на пожелтевшую бумагу. Никакой Евразии или Америки — материки были совсем другой формы.

— Этот остров — одно из мест в мире, где спокойнее всего. Однако Бедствия здесь давно не бушевали, и эта тишина вызывает у меня беспокойство.

— Бедствия? — уточнила Мария.

— Живые катастрофы. Драконы, чья чешуя тверже стали. Гигантские черви, пожирающие города. И виверны... лучше их не вспоминать...

— Однако, что нам нужно сделать — найти полезную информацию, за наши годы отшельничества в мире многое могло поменяться.

— Наша первая цель — Люди. Раз мы на их территории, начнем с них. Нам нужна вера. Нам нужна надежда. Фонтаны положительных эмоций сильнее негативных.

Он поднял глаза на Марию.

— Мы убедим их. Не просьбами. А силой и чудом.

Родион встал, выпрямившись во весь рост. Анта встала рядом с ним, и её нимб на короткое время засиял ещё ярче.

— Знаешь, Мария, какая главная ошибка нашего мира? — внезапно спросил Родион, повысив голос.

— Все они — люди в пещерах, эльфы в золотых клетках, дворфы у своих печей... Они все играют в «Выживание». Каждый день они стараются остаться в живых. Они берегут каждое теплое место, едят меньше, чтобы хватило на всех.

Родион резко обернулся к Марии. В его красных глазах больше не было усталости. Там горел холодный, расчетливый огонь игрока, который увидел путь к победе там, где остальные видели тупик.

— Сато думал, что спасает мир, а в итоге окончательно убил его. Мы пойдем другим путем. Но мы не будем героями...

Мария почувствовала, как сердце пропускает удар. Это было безумие. Трое против целой планеты, скованной льдом и древними чудовищами. Но глядя на Родиона, она даже поверила, что у этого безумия есть шанс.

— Мы объявляем войну, — его голос стал тверже стали. — Не людям. А Божествам. Тем тварям, что сидят там, наверху, и думают, что мы — просто грязь под ногами. Мы заставим этот мир вспомнить, что такое солнце. Даже если нам придется вырвать его из глотки самого небытия.

— Зима длилась слишком долго, — прошептала Анта.

— Пора вернуть весну в этот замерзший мир.

Родион и Анта взяли за руки и протянули свои Марии, приглашая ее присоединиться. Они ждали.

Прошла секунда. Две.

Мария смотрела на эти руки. На руку убийцы и руку соучастницы. В её голове всё ещё стоял вкус того мяса, а в ушах звенели слова о войне с богами. Это было безумие. Они были безумцами.

Она не двигалась. Она просто смотрела на них расширенными от ужаса глазами, вжимаясь спиной в холодный камень.

Торжественная тишина затягивалась и становилась неловкой.

Родион дернул уголком рта. Его рука, всё ещё висящая в воздухе, чуть дрогнула, теряя уверенность.

— Молодец, Родион. Теперь она думает, что мы психи, — тихо констатировала Анта, не убирая руки.

— Я вижу, — сквозь зубы процедил Родион. Весь его запал испарился, оставив только усталого парня, который чувствовал себя идиотом.

— А надо было её изначально чипсами кормить, — вздохнула Анта. — А не вот этим. Теперь мы точно подорвали её доверие.

— Тебе ничего не мешало меня остановить.

— Меня-то не вини. Ты прекрасно знаешь: на голодный желудок я не соображаю.

Родион шумно выдохнул, убрал руку и потер переносицу, пряча глаза.

— Ладно. Забудь. — Он посмотрел на Марию уже своим обычным, тяжелым взглядом. — Просто... ты с нами или остаешься здесь умирать?

— Я... я с вами, — выдохнула Мария, понимая: без них ей уже точно конец.

INTERLUDE I

[AUR_REC_II: THE "HERO"]

«Вторжение Иномирца. Биологический носитель, классифицированный как "Чужак". Его эго-матрица отвергла базовые законы Аурелии. Движимый иррациональной жаждой доминирования — сродни животной похоти — он инициировал критический пробой небесной сферы. Искомый результат: статус "Спасителя". Фактический результат: термический коллапс, руины и неорганический пепел. Ошибка алгоритма с фатальными последствиями».

Глава 1.1: Мгла неизвестного мира

— Тогда не будем терять времени.

Родион вывалил из шкафа ворох тряпья и грубо кинул его ей в руки.

— Надевай. Всё. Сразу.

— Всё? — переспросила Мария, глядя на гору одежды. — Но я же не смогу даже руку согнуть.

— Ты хочешь быть быстрой или живой? — перебил Родион. — Не думай, что там, снаружи, «легкий холодок». Тебе повезло, что Анта добралась до тебя раньше, чем мороз. Иначе ты бы лежала рядом с теми скелетами в лесу.

Он на секунду задумался, и его лицо скривилось в жутковатой усмешке.

— А ведь даже хорошо, что на холоде они не испортились... — пробормотал он.

Марию передернуло от этого намека. Анта подошла и помогла ей натянуть еще один колючий свитер.

— Не слушай его ворчание, — тихо сказала она. — Но он прав. Лучше потеть, чем окочелеть. Если что не буквально, а то влага замерзнет а вместе с ней и ты.

Убедившись, что Мария одета надежно, Родион подхватил свою алебарду. На секунду он замер, бросив косо́й взгляд на пыльную скрипку, но тут же отвернулся и шагнул к выходу. Массивная дверь примерзла к косяку. Металл покрылся коркой мутного, серого от копоти льда в палец толщиной.

Родион не стал дергать ручку. Он с размаху ударил плечом, вкладывая вес тела. Раздался резкий треск, будто хрустнула кость, и грязная наледь осыпалась на порог. Дверь со скрежетом поддалась, впуская внутрь клубы морозного пара.

— Идем, — бросил он, шагая в пепельную мглу. Но вдруг остановился. — А, чёрт. Едва не забыл самое главное. Ждите здесь.

— Мы что-то забыли? — спросила Мария, закутываясь в шарф от ледяного ветра.

— Ресурсы, — коротко ответила Анта.

Родион вернулся с кухни через минуту. В руке он держал тяжелый, пропитанный темным мешок. Мария сразу почувствовала запах замороженного железа и поняла, что там внутри. К горлу снова подкатил ком.

— Зачем... зачем ты это взял? — прошептала она.

Родион взвесил мешок на руке, словно оценивая золото.

— У людей проблемы с едой, Мария. Там, куда мы идем, этот мешок стоит дороже золота. — Он привязал его к поясу. — На него мы купим место в их поселении.

Родион бросил последний, беглый взгляд на обсерваторию — привычка проверять спины. Убедившись, что ничего не забыл, он натянул свой шарф до самых глаз и коротко махнул рукой.

— Двинули.

Анта задержалась возле Марии. Она критически осмотрела её экипировку и рывком натянула шарф девушки на самый нос, оставив лишь узкую щель для глаз.

— Ты чего творишь? — возмутилась Мария, пытаясь стянуть колючую шерсть обратно к подбородку. — Мне дышать неудобно!

Анта шлепнула её по руке, останавливая.

— Здесь шарфы носят не для красоты, Мария, — глухо прозвучал её голос сквозь ткань. — Оставишь лицо открытым — через десять минут лишишься носа. Дыши через шерсть.

Анта развернулась и вышла в воющее серое марево следом за Родионом.

Марии ничего не оставалось, кроме как шагнуть за ними. Из относительной безопасности каменных стен — в неизвестность, где единственным ориентиром была спина убийцы, идущего впереди.

Стоило ей переступить порог, как мир исчез.

Она ожидала увидеть лес, деревья, сугробы. Но увидела только непроглядный, грязно-серый занавес.

Мария сделала осторожный вдох — и тут же закашлялась. Даже сквозь плотную шерсть она почувствовала, как ледяная крошка царапает горло.

— Ледяной туман, — глухо пояснил Родион, возникая из серой мглы всего в двух шагах от неё. Дальше его силуэт уже расплывался. — Сегодня погода не очень. Держись рядом, иначе потеряешься и замерзнешь в двух метрах от нас.

Он с лязгом опустил тяжелую алебарду, позволяя лезвию упереться в мерзлую землю. Затем протянул Марии длинное древко.

— Хватайся за край, так точно не потеряешься.

— Ты бы ей ещё ошейник предложил, — фыркнула Анта.

Она оттолкнула алебарду и протянула девушке ладонь.

— Не слушай его. Давай руку, Мария. Так будет теплее.

Они шли долго. Сколько именно — час или целую вечность — Мария сказать не могла. В этом тёмно-сером мареве время, казалось, застыло вместе с воздухом.

Единственным ориентиром была спина Родиона и звук.

Скр-р-р... Скр-р-р...

Он так и не поднял алебарду. Тяжелое лезвие пахало мерзлую землю, оставляя за собой глубокую борозду в пепле. То ли он берег силы, то ли этот мерзкий, ритмичный скрежет был его способом отпугивать тишину.

Когда терпение Марии уже было на исходе, мгла впереди начала редеть. Из тумана стали проступать силуэты.

Сначала — покосившийся забор. Затем — очертания крыш, трубы, вывеска с нарисованной кружкой...

«Таверна? Дома?»

Сердце Марии екнуло. Неужели они дошли? Неужели здесь, в этом аду, есть нормальная улица с повозками у крылец?

Она ускорила шаг, почти поравнявшись с Родионом, но тут же замерла.

В окнах не было света. Из труб не шел дым.

Карета, которую она заметила, действительно стояла у входа, но её колеса вросли в лед и пепел, а дерево посерело от времени.

Это был не город, а его эхо.

Дома стояли абсолютно целыми — холод идеально законсервировал их, превратив в каменные надгробия былой жизни.

Взгляд Родиона лихорадочно метался по фасадам, выискивая что-то конкретное. Мария проследила за его взглядом.

Внезапно он замер как вкопанный.

Обветшала вывеска с книгой...

«Библиотека? Seriously?»

Здание ничем не отличалось от остальных — такое же серое, такое же промерзшее насквозь. Но Родион, забыв про осторожность, рванул к дверям.

На пороге он сделал немислимое — просто разжал руки. Тяжелая алебарда рухнула вниз. Лезвие с глухим стуком и треском расщепило старые доски крыльца, встав торчком, как одинокий часовой.

Он исчез в темноте проема.

Анта и Мария переглянулись и поспешили следом, проходя мимо брошенное оружие.

Внутри пахло не старой бумагой и пылью, как ожидала Мария. Пахло выделанной кожей и сушеными травами.

Огромный зал библиотеки изменился. Книжные стеллажи были порублены на дрова. В центре, прямо на некогда белоснежном мраморе полу, чернело пятно от небольшого костра. Вокруг были разбросаны спальные, котелки и пустые фляги.

Родион не рылся в книгах. Он лихорадочно перетряхивал брошенные у костра походные сумки, которые уже начали покрываться инеем.

— Зачем мы здесь? — спросила Мария, озираясь. Ей было жутко. Вещи выглядели так, будто хозяева вышли на минуту и... исчезли.

— Информаторы, — бросил Родион, вытряхивая содержимое очередного рюкзака на пол. — Это лагерь последней группы разведчиков. Они пришли сюда неделю назад. Следили за нашей обсерваторией. Рисовали схемы.

Он нашел то, что искал — тубус для карт из плотной кожи, которая задубела от мороза и сопротивлялась.

— Ага. Цел.

— Ты... ты их убил? — Мария посмотрела на пятно бурой крови возле одного из спальных.

— Я защищал периметр, — сухо ответил Родион, разворачивая карту на столе, она глухо потрескивала, рискуя лопнуть на сгибах. — Я забрал у них еду и металл. А их записи оставил здесь. Зачем нам информация о других местах, если мы и так живем в одной лишь обсерватории?

Он провел пальцем по карте, изрисованной пометками.

— Я был идиотом. Я думал, что будем сидеть еще лет сто. Но эти парни... — он криво усмехнулся, — они проложили для нас маршрут. Смотри.

Родион ткнул в красную линию, ведущую через горы.

— Они отметили патрули Дьяволов и гнезда Виверн, чтобы обойти их и добраться до нас. Теперь мы пойдем по их следам обратно.

— Дьяволы? — переспросила Мария, и в её голосе зазвенело напряжение. — Виверны, Дьяволы... Вы бросаетесь этими словами так, будто я читала ваш бестиарий. Я иду с вами в ад, но до сих пор даже не знаю, кто такая Анта! Ангел? Мутант? Или просто девочка с нимбом над головой?

Родион хмыкнул, аккуратно закручивая крышку тубуса.

— Справедливое замечание. Но... ликбез — не моя стихия. — Он кивнул напарнице. — Анта, просвети её. Только кратко, пока мы не замерзли.

Анта вздохнула, проводя пальцем по краю стола.

— Мы фтералес. Если тебе будет проще — считай меня ангелом, — глухо произнесла она, не поднимая глаз. — Только вместо небесной благодати у нас — Время. А вместо молитв — циферблат.

Она коснулась своего нимба. Тот отозвался слабой пульсацией.

— Наша жизнь — это часы. Но наша жизнь — это не века. Это всего лишь одни сутки.

Мария удивленно моргнула.

— Сутки? Но тебе же...

— Пока мы не используем истинную магию, наши часы стоят. Мы вечны. Но стоит нам вмешаться в поток времени, стрелки начинают тикать. А когда они дойдут до полуночи... мы обращаемся в камень.

— Мои сородичи... они были консервативны. Они считали, что Время нужно тратить «правильно». Величественно. Махать крыльями, петь гимны, соблюдать ритуалы.

Анта горько усмехнулась.

— А я... я любила эффективность. Я нашла способ использовать эссенцию души, чтобы левитировать, не тратя силы тела. Чтобы экономить Время, а не сжигать его впустую. Я предложила им этот дар.

— И? — протянула Мария.

— И они назвали это ересью, — жестко начала Анта, но вдруг осеклась.

Её рука рефлекторно дернулась к спине. Пальцы сжались, комкая ткань.

— Они... — её голос дрогнул и упал до шепота, потеряв всю свою уверенность. — Они забрали мои крылья, Мария. Просто отрезали их и вышвырнули меня вниз...

Вопреки инстинкту самосохранения Марии захотелось подойти и обнять её. Просто прижать к себе этот маленький комочек вековой боли. Она даже сделала шаг вперед, но Анта вдруг выпрямилась.

Крылатая шмыгнула носом и резко вытерла глаза рукавом пуховика.

— Но именно поэтому я и хочу спасти этот мир, — твердо сказала она. В её голосе пробивалась решимость. — Не ради прощения. А ради доказательства, моей правоты.

Она посмотрела на свой тусклый нимб, который в ответ на её эмоции начал медленно разгораться.

— Когда мы победим... Хронофиле, нет, всем Фтералес придется признать, что я оказалась права.

— Хорошая речь, — безэмоционально бросил Родион. Пока Анта изливала душу, он успел развести небольшой костер прямо на мраморном полу, используя обломки стеллажей. — А теперь — привал. Грейтесь. Нам нужно восстановить тепло перед рывком.

***

Тишина, нарушаемая лишь треском сухой древесины, давила на уши. Мария не выдержала.

— Раз Анта рассказала о своей причине... — начала она неуверенно. — То, может быть... и ты расскажешь? Зачем тебе это? Ну то есть спасти мир.

Родион не ответил сразу. Вместо этого он подкинул обломок в огонь.

— Зачем? — переспросил он, не поднимая глаз. — Странный вопрос.

— Ну... ты кажешься таким... — Мария подбирала слово, чтобы не разозлить его. — Холодным. Но при этом ты хочешь всех спасти? Почему?

Родион хмыкнул. Однако в его глазах не было злости, лишь вековая усталость.

— Хочешь услышать про мою причину? — переспросил он. — Всё просто. Это долг. Я получил силу, которой нет у других. Кто-то же должен разгрести этот пепел.

Он говорил ровно, заученно. Словно читал текст с листа, в который сам давно перестал верить. Мария почувствовала фальшь. Но возразить она не рискнула.

И в этот момент земля пошла ходуном.

Это было не просто землетрясение. Из-под пола раздался низкий, вибрирующий гул, от которого задрожали кости. С потолка библиотеки посыпалась пыль и куски штукатурки.

Родион вскочил, как сжатая пружина. В его движениях не осталось ни капли усталости. Он сгреб карту со стола и грубо сунул её Анте.

— Бедствие! — рявкнул он, перекрикивая грохот. — Это Могильный Червь! Анта, уводи её!

— А ты?!

— А я его отвлеку!

Он натянул шарф на лицо и рванул к выходу. Выскочив на крыльцо, Родион на ходу выдернул алебарду из досок.

Дверь вылетела наружу от его удара, и в зал ворвался ледяной вихрь, мгновенно задув жалкий костер. Тьма накрыла их.

Анта не задавала вопросов. Она оказалась за спиной Марии быстрее, чем мелькнула мысль.

— Держись! — крикнула она.

Холодные руки обхватили Марию поперек туловища, и гравитация исчезла. Анта рванула вверх, к пролomu в куполе библиотеки, подальше от дрожащей земли. Внезапно она резко снизилась, уворачиваясь от падающей балки в опасной близости. Желудок Марии подпрыгнул к горлу. Это тошнотворное чувство невесомости вызвало острое дежавю.

Родион несся прямо навстречу разлому, из которого била земля. Тяжелая алебарда в его руках казалась невесомой — он использовал её инерцию, чтобы входить в повороты, не теряя скорости.

Грохот.

Перед ним взорвался фонтан мерзлой земли.

Могильный Червь вырвался на поверхность — гигантская, склизкая туша, кольцевидная пасть, усеянная рядами зубов, заслонила собой небо.

Родион не затормозил. Наоборот, он рванул быстрее.

За секунду до столкновения он выставил алебарду в сторону, цепляя крюком лезвия ствол мертвого дерева. Используя его как рычаг, он крутанулся вокруг своей оси на полной скорости, резко меняя траекторию.

Челюсти Червя захлопнулись там, где он был мгновение назад, проглотив лишь воздух и щепки.

Родион уперся ногами в захлопнувшуюся челюсть. Не теряя ни секунды, он ухватился свободной рукой за выступающий кривой клык и, используя инерцию тяжелой алебарды как рычаг, забросил себя на голову твари.

Монстр мотнул головой, но Родион уже бежал вдоль его хребта.

Он опустил лезвие вниз, навалившись на древко всем весом. Острая сталь с тошнотворным треском пробилa ороговевшую плоть.

Родион бежал, и алебарда вспарывала спину чудовища, как консервный нож, оставляя за собой длинную, дымящуюся рану.

Червь заверещал — звук был похож на скрежет металла по стеклу — и начал биться в агонии, пытаясь сбросить мучителя.

Но вдруг он замер, а затем резко, с неестественной скоростью вздыбил переднюю часть туловища высоко над землей.

Родион, бегущий по хребту, на секунду потерял равновесие, но тут же присел, готовясь к удару. Он ожидал, что тварь попытается сбросить его вращением.

Но Червь поступил хитрее.

Гигантская голова с размаху обрушилась вниз, ударяясь о мерзлую землю с силой падающего метеорита.

БАМ!

Удар породил кинетическую волну. Она прошла по длинному телу, как дрожь по натянутому канату. Спина монстра под ногами Родиона выстрелила вверх.

Это сработало как катапульта.

Родиона подбросило в воздух. Опора исчезла. Он завис в воздухе, лишенный возможности маневрировать.

И в тот же миг Червь, поймав инерцию отскока, изогнулся стальной пружиной. Его пасть, полная зубов, метнулась в сторону падающей добычи.

Глава 1.2: Червивый поход

Земля ударила в ноги неожиданно жестко. Анта не стала тратить силы на плавную посадку и небрежно уронила Марию в глубокий сугроб пепла.

- Быстрее! - крикнула ангел, хватая девушку за рукав. - В укрытие!

Сквозь завывание ветра и ледяную мглу проступал черный зев - узкая трещина в скале, похожая на рану. Они ввалились внутрь, и рев бури снаружи мгновенно сменился гулкой, давящей тишиной подземелья.

Анта сползла по стене на каменный пол и тяжело, со свистом выдохнула. Её нимб тускло пульсировал, освещая пещеру слабым оранжевым светом.

- Оторвались... - прошептала она, задыхаясь.

Мария дрожала. Не столько от холода, сколько от осознания того, что произошло. Они сбежали. А Родион остался там, один на один с горой мышц и зубов.

- А что... что будет с Родионом? - голос Марии сорвался. - Мы просто бросили его там?!

Анта даже не открыла глаз.

- Не бросили. Мы балласт для него. А убежав, дали ему не беспокоиться о нас.

- Но этот Червь... Он огромный!

- Мы сталкивались с такими тварями и раньше. У Родиона шкура крепче, чем кажется. Справится.

Мария нервно оглянулась на выход, где бушевала метель.

- Я не об этом... Как мы найдем его? В этом тумане не видно даже вытянутой руки! Мы потеряемся, если попытаемся вернуться.

Анта вдруг усмехнулась. Она открыла один глаз и посмотрела на Марию спокойным, немного усталым взглядом.

- А насчет этого не переживай. Мы его искать не будем.

- Почему?!

- Потому что Родион – охотник. А не мы. И он найдет нас где мы бы ни были.

***

Челюсти-жернова сомкнулись с ужасающей скоростью. Небо исчезло.

У Родиона была доля секунды. Он не пытался остановить укус - это было невозможно. Вместо этого он вогнал алебарду вертикально, уперев пятку древка в нижнюю челюсть, а лезвие - в верхнее небо твари.

КРАК.

Древко жалобно затрещало, прогибаясь дугой. Оно не удержит пасть открытой, но даст Родиону мгновение, чтобы не быть раздавленным сразу.

Он оказался в зловонной темноте. Запах гнили и желудочной кислоты ударил в нос. Стенки глотки пульсировали, готовясь протолкнуть его дальше, в кислотный ад.

- Подавись! - прорычал Родион.

Он выпустил алебарду, древко которой уже трещало от давления, и выхватил с пояса кинжал.

Здесь не было места для изящества. Он вонзил клинок в мягкую, влажную плоть внутренней стороны щеки и с силой рванул его вниз, повисая на клинке всем весом.

Это сработало.

Червь издал оглушительный, вибрирующий визг, от которого у Родиона едва не лопнули перепонки. Тварь мотнула головой, распахивая пасть от болевого шока.

Центробежная сила вышвырнула Родиона наружу, как куклу.

Он пролетел несколько метров и жестко приземлился в сугроб, перекатившись через плечо, чтобы погасить инерцию. Следом, в паре метров, упала и его алебарда - сложенная пополам.

Земля задрожала. Червь, истекая черной жижей из пасти, с ревом ушел обратно под землю, взметая фонтаны пепла. Он не сбежал - он ушел на глубину, чтобы восстановить силы и вскоре атаковать снизу.

Родион подхватил оружие и вскочил на ноги. Драться дальше было самоубийством. Он выиграл время - теперь нужно сбежать.

Он огляделся. Следов на пепле не было - Анта увела Марию по воздуху, не касаясь земли.

Но Родион и не искал следы ног.

Он взгляделся в мутный туман. Оборванная ледяным ветром ветка на высоте трех метров. Срезанная невидимой силой верхушка сугроба. Анта летела низко, экономя силы, и оставляла за собой воздушный коридор. Для Родиона этот невидимый след был ярче путеводной звезды - Умница, Анта, - выдохнул он и рванул по следу, пока тварь не восстановила силы.

***

Анта сидела, скрестив ноги, и внимательно изучала карту, разложенную на коленях. В густой темноте пещеры единственным источником света был её нимб. Он тлел тусклым, тревожным оранжевым цветом, отбрасывая длинные тени на стены.

Мария смотрела на это свечение и понимала: с такой «лампочкой» за человека не сойдешь.

- Слушай... - начала она неуверенно. - А ты можешь его спрятать? Если мы идем в поселение, эта штука над головой... вызовет вопросы. Ты должна выглядеть как человек.

Анта медленно подняла на неё взгляд.

- Могу, - коротко ответила она.

Щелчок - и свет исчез.

Тьма навалилась мгновенно, плотная и абсолютная, словно кто-то выключил мир. Мария инстинктивно сжалась, но тут же заметила две точки во мраке.

Глаза Анты.

Они не погасли. В темноте они горели ровным, фосфоресцирующим янтарным светом. А в них застыли тонкие, как лезвия, стрелки часов. Это было красиво, но совершенно не человечески. Как у хищника в ночи.

- Это мой максимум маскировки, - прозвучал голос ангела из темноты. - Нимб я могу втянуть, но глаза придется прятать под очками. Иначе нам просто не поверят.

Внезапно над головой Марии вспыхнул свет.

Она дернулась и посмотрела вверх. Там, в паре сантиметров от макушки, висела точная копия циферблата Анты, сотканная из мягкого света.

- А еще я могу перевесить мишень на тебя, - раздался тихий смехок Анты. - Хочешь побыть в шкуре фтералес?

- Н-нет! - Мария замахала руками, разгоняя иллюзию. - Не надо. Мне и своих проблем хватает.

***

Родион несся по магическому следу, не жалея ног.

Сломанное древко алебарды нарушило привычный баланс оружия. Тяжелое лезвие теперь перевешивало, заставляя руку ныть, а тело - терять равновесие на поворотах. Пару раз Родион спотыкался, едва не пропахивая носом пепел, но каждый раз гасил инерцию кувырком и снова вскакивал, не сбавляя темпа.

Наконец впереди черным провалом открылся зев пещеры.

Не теряя ни секунды, он влетел внутрь, внося с собой запах гнили и озона.

- Анта, Мария! На выход! Живо!

Мария вжалась в стену. Перед ней стоял не человек, а выходец из кошмара. Родион был с ног до головы покрыт черной, блестящей слизью, она стекала с его плеч, шипя на морозе. Его куртка висела лохмотьями, а в руках он сжимал обломок алебарды, превратившийся в уродливый, короткий топор мясника.

Он не дал им времени на вопросы. Развернулся и снова исчез в тумане, указывая путь.
- Бежим! - рявкнула Анта.

Она рывком подняла Марию на ноги и потащила к выходу, пока эхо крика Родиона еще не затихло.

Они бежали, не сбавляя темпа, пока легкие Марии не начали гореть огнем. Каждый вдох был пыткой - ледяной воздух раздирал горло, как наждачка. Она бы упала уже через сотню метров, но Анта тащила её вперед с неумолимой силой, не давая ни замедлиться, ни сдаться.

Наконец из тумана вынырнула темная громада скалы.

Прямо в камне, наполовину занесенная пеплом, виднелась массивная железная дверь, обитая войлоком и шкурами.

Родион навалился на неё плечом, срывая наледь, и втолкнул спутниц внутрь.

Они оказались в тесной, темной камерке. Родион тут же захлопнул внешнюю дверь и навалился на засов. Гул ветра снаружи стих, сменившись тяжелым дыханием беглецов.

- Не расслабляться, - прохрипел он.

Он открыл следующую дверь. Еще один крошечный тамбур. Здесь было чуть теплее, но воздух был спертым.

Они прошли и этот шлюз. Родион снова запер дверь за спиной.

Перед ними была третья преграда - толстый лист металла с узким смотровым окошком, закрытым заслонкой. Эта дверь, в отличие от первых двух, была заперта изнутри. Это был последний рубеж обороны тепла.

Родион вытер слизь с лица, перехватил поудобнее обломок алебарды и поднял кулак.

Тун... Дун-тун... Дун.

Стук прозвучал не как просьба впустить. Это был условный сигнал. Код, который открывает доступ в последний оплот человечества.

Из-за толстого металла донесся глухой, искаженный голос. Язык был грубым, лающим - смесь забытых наречий.

- Wer koma dort? Visodryad nyezol retrokom soskoro.

Мария не поняла ни слова, но интонация была ясной: «Кто такие? Своих не ждали».

Родион, даже не переведя дыхание, ответил на том же языке. Его голос звучал хрипло, подстать этому наречию:

- Vir est fugitviro... - начал он, но закашлялся и сплюнул черную слизь. - Мы беженцы из малы-града, с юго-востока. Кха Могильный Червь снова бушует. Едва унесли ноги. Нас трое, и у нас есть **Дос манг-рот**.

Последнее слово - «Еда» - он выделил особо.

За дверью повисла тишина. Слышно было лишь тяжелое дыхание сторожа.

- Vhrentra. («Входите».)

Лязгнул тяжелый засов. Дверь со скрипом отворилась, впуская их в тепло.

Троица ввалилась внутрь. Анта втянула нимб и закрыла глаза. Мария, чьи ноги окончательно отказали от резкой смены температуры, рухнула на колени, жадно глотая спертый, пропитанный запахом немых тел, но теплый воздух.

Перед ними стоял старик в стеганом ватнике, сжимая в руках самодельный арбалет. Он подозрительно оглядел их лохмотья.

- Ya pensad, ke nullest retro... - прошамкал он, опуская оружие. - А я думал, от той дэ базы уже ничего не осталось.

Родион молча отвязал от пояса тяжелый, пропитанный кровью мешок и протянул его старику.

- Tu nima vir? Примешь нас?

Старик взвесил мешок в руке. Его глаза алчно блеснули. Вес был убедительным.

- Ya zol davar... - кивнул он, отступая в сторону и освобождая проход. - Я передам Дэ О'Шену. Следуйте за мной.

Группа молча следовала за сторожем вглубь пещеры. Родион крепко держал Анту за руку, ведя её за собой, как слепую Единственным светом в тоннеле был фонарь в руках старика. Внутри него, за мутным стеклом, горел не обычный огонь, а холодное синее пламя - алхимический или магический огонь, не требующий кислорода.

Вскоре они подошли к развилке. Сторож свернул направо, к массивной деревянной двери, укрепленной железными полосами.

Тук... Тук-тук... Тук.

Тот же код.

- Vhrenta, - донесся глухой голос изнутри.

Они вошли. Комната напоминала штаб, собранный из мусора: стол из ящичков, карта на стене, тусклая лампа. За столом сидел мужчина с тяжелым, землистым лицом - ОШен.

- Sal, OShen! - поклонился сторож. - Я привел дэ выживших. С малой дэ базы на юго-востоке.

ОШен поднял тяжелый взгляд, оценивающе скользя по лохмотьям гостей.

- Intress... - протянул он. - Любопытно. Наш вис-отряд к той дос базе пропал неделю назад. Мы думали, там одни мертвецы. Но... лишние руки здесь не помешают. Назовитесь.

Родион выступил вперед, закрывая собой спутниц.

- Ya est Rodion, - представился он. Затем кивнул на Анту, чьи крылья под ушами были скрыты капюшоном, а глаза закрыты. - Эта девочка - дэ Анта.

Он перевел взгляд на Марию. На долю секунды он замялся, словно подбирая слово.

- А эта женщина... Дос... - он осекся, кашлянул и быстро исправился: - Дэ Мария.

ОШен прищурился, услышав оговорку, но промолчал.

- У неё мемра-нулл такой степени, что она забыла даже наш язык, - гладко соврал Родион, объясняя молчание Марии. - Она не понимает ни слова.

- Допустим, - кивнул лидер. - И что пригнало вас сюда?

- Kha Mogilwurm, - мрачно произнес Родион. - Могильный Червь проснулся ото сна. Нам пришлось бежать, бросив почти всё.

Лицо ОШена помрачнело. Упоминание «Кха» - неизбежного рока - подействовало мгновенно.

- Sav. Еще одна дос база умерла. Жаль...

Глава порывшись в ящике стола и брезгливо бросил на столешницу связку ржавых ключей.

- Занимайте дос комнату в третьем секторе. Располагайтесь. А завтра... - он посмотрел на Родиона с намеком на предстоящую работу. - Завтра мы придумаем, что с вами делать. Vir zol pensar.

Страж проводил их до комнаты - тесной каморки с каменными стенами, где из мебели были только две грубые койки и стол.

Стоило тяжелым шагам за дверью стихнуть, как маска невозмутимости слетела с Родиона. Он сполз по стене, тяжело с хрипом втягивая воздух.

- Что ж... первый день мы пережили, - просипел он. - Мария, тебе придется выучить язык. Я не смогу вечно работать переводчиком и нашептывать под ухо.

Он с отвращением стянул с себя куртку. Ткань, пропитанная слизью Червя, на морозе превратилась в ледяной панцирь и теперь с треском ломалась на сгибах. Родион швырнул её в угол, а сверху, с глухим лязгом, положил сломанную алебарду.

- А пока... - он зевнул, и челюсть его хрустнула от напряжения. - Отбой.

Он не дошел до кровати. Просто завалился на бок, готовый уснуть на полу.

Анта тут же оказалась рядом. Она не стала его поднимать - сил не было и у неё. Она просто подтащила матрас с одной из коек, перекатила на него Родиона и укрыла своим пуховиком, сама свернувшись калачиком у него под боком, как кошка, ищущая тепла. Через минуту их дыхание выровнялось.

Мария осталась одна в темноте.

Она легла на вторую жесткую койку, глядя в каменный потолок. Тело гудело от усталости, но сон не шел. В тишине пещеры мысли, которые она гнала от себя весь день, нахлынули волной.

«Как там мама?»

Перед глазами встала картина: пустая кухня, остывший чайник. Мама только начала приходить в себя после смерти отца... А теперь? Теперь она будет заходить в пустую комнату дочери, где всё осталось на своих местах. Гитара в углу, недописанные конспекты на столе.

Эта мысль - что она нанесла матери еще один удар - жгла сильнее холода.

А Лиза, подруга с университета? Та, для кого Мария была единственным близким человеком в потоке чужих лиц. Теперь она осталась совсем одна в шумных коридорах. Будет ли она общаться с другими? Или совсем закроется в себе?

Странное чувство охватило её. Там, на Земле, метро всё так же едет по расписанию. Солнце встает и садится. Люди спешат на работу. Мир... он просто продолжил жить. Без неё.

И от этого осознания в этой холодной, темной пещере Мария впервые почувствовала себя по-настоящему разбитой.

Глава 1.3: Осколки морали

- Мария. Эй.

Чья-то рука трясла её за плечо. Настойчиво, но аккуратно.

Мария с трудом разлепила глаза. Над ней нависал Родион. В тусклом свете, пробивающемся из коридора, он выглядел серым от недосыпа.

- Что... что случилось? - прошептала она, пытаясь приподняться на локтях.

- Тише, - шикнул он, кивнув на спящую Анту. - Не буди её. Я уйду с разведывательным отрядом. О'Шен требует плату за ночлег, так что придется поработать.

Он подошел к углу, где валялась его куртка. За ночь слизь, пропитавшая ткань, оттаяла в тепле пещеры. Теперь одежда была мокрой, тяжелой и источала кислый запах сырости.

Родион с видимым отвращением натянул её на себя. Ткань неприятно чавкнула, прилипая к телу. Его передернуло от холода.

- Скажешь Анте, куда я ушел. И не высовывайтесь.

Он вышел за дверь, бесшумно прикрыв её за собой, оставив Марию в полумраке с тяжелыми мыслями и сопящей под боком крылатой.

Но сон быстро взял своё. Почти всю ночь она не спала, рефлексировав над прошлым, и теперь усталость навалилась свинцовым грузом.

***

Мария очнулась в своей комнате.

Всё было на местах: ноутбук мигал индикатором зарядки, гитара в чехле стояла в углу. Вещи находились там же, где и всегда, но ощущались иначе.

Она вышла в коридор. Половицы не скрипели.

На кухне горел свет - резкий, хирургически-яркий. Телевизор молчал, только холодильник гудел неестественно громко, словно старый генератор.

Часы на микроволновке как всегда не показывали время. Мария подошла к окну. Там, за стеклом, не было привычных огней города. Там была сплошная, плотная чернота. Ни звезд, ни фонарей. Только тьма, которая, казалось, прижималась к стеклу с той стороны.

На столе белел листок бумаги. Почерк мамы:

«Убежала на работу. Еда в холодильнике».

Слово «Еда» было написано с нажимом, так сильно, что бумага порвалась.

Желудок Марии сжался в спазме. Она не хотела открывать эту белую дверцу. Инстинкт кричал: «Не трогай!» Но рука сама потянулась к ручке.

Магнитный замок чвакнул, поддаваясь.

Внутри не было продуктов.

Все полки, от верха до низу, были забиты мясом. Крупные, волокнистые куски, сваленные в кучу. Густой, темный сок капал с решеток, собираясь в лужи на дне. Запах сырого железа и вареного бульона ударил в лицо.

Мария отшатнулась, но ноги прилипли к полу.

Мясо зашевелилось. Куски начали срастаться, пульсировать, вываливаясь наружу, как лавина. Красная масса бросилась на неё, сбивая с ног, заливая лицо липкой жижей.

И из самой массы, из глубины холодильника, из стен кухни, раздался громоподобный, искаженный голос Родиона:

- **ЕШЬ ИЛИ СДОХНЕШЬ ГОЛОДНОЙ!**

***

- Мария!

Девушка с криком подорвалась на кровати.

Её трясло. Холодный пот пропитал одежду, сердце колотилось где-то в горле.

Перед ней сидела Анта. Её глаза в полумраке светились тревогой, а рука замерла в воздухе, не решаясь коснуться.

- Тише... - прошептала ангел. - Не нужно кричать.

Мария судорожно хватала ртом кислый, спертый воздух пещеры, пытаясь выгнать из легких фантомный запах крови.

- Дыши, - мягко приказала Анта. - А теперь расскажи. Что ты видела?

Мария замялась, не зная, как подобрать слова. Кошмар казался слишком гадким, чтобы передать его звуками.

- Можешь не говорить, - вздохнула крылатая, заметив её взгляд. - Это была та еда?

- Как ты..?

- Как я догадалась? - Анта горько усмехнулась. - Кошмары здесь не отличаются разнообразием. Жить в этом мире - значит, постоянно есть кого-то или бояться быть съеденным.

Анта подалась вперед, вглядываясь в лицо Марии. В полумраке её янтарные глаза светились мягким нечеловеческим пониманием.

- И еще... - она понизила голос. - Ты плакала. Всю ночь. Вспоминала свой дом?

Мария вздрогнула и отстранилась, прижимаясь спиной к холодной стене. Это было слишком личным.

- Быть вырванной из своего мира больно, - тихо продолжила Анта, не сводя с неё взгляда.

- Я знаю.

Ангел откинула голову назад, упираясь затылком в камень.

- Я помню Левингтейл. Я прожила там всего пять лет после своего создания, прежде чем меня изгнали... Я помню Солнце, Мария. Настоящее, горячее. У меня были друзья... близкие мне фтералес. Единственные, кто был против моего изгнания.

- И тебя просто... вышвырнули?

- Вышвырнули. Лишили дома, неба и крыльев.

Анта помолчала, теребя край рукава.

- Знаешь, я иногда искренне завидую Родиону. Он родился уже здесь, в пепле. Он никогда не видел солнца, а значит, он не знает, что именно он потерял. Ему проще.

Её голос дрогнул, став почти неслышным.

- Я соврала ему, Мария. Я сказала, что тоже не помню солнца. Что я родилась уже в сумерках.

Мария удивленно посмотрела на неё.

- Зачем?

- Как в той старой песне... - Анта на мгновение задумалась. - Зачем рассказывать о вкусе яблок тому, кто обречен есть только камни? Я не хотела, чтобы он чувствовал себя неполноценным. Чтобы он смотрел на меня как на существо из другого, лучшего мира. Я хотела, чтобы мы были на одном дне. Вместе.

Повисла тишина. Мария смотрела на Анту с новым чувством. Это была не просто спутница. Это была душа, искалеченная памятью о лучшем мире.

- Хочешь... - Анта неуверенно подняла глаза. - Я расскажу тебе, как мы встретились? Как я нашла того, ради кого стоило врать?

Глаза Марии расширились. Ей не нужно было отвечать - её интерес был красноречивее слов.

- Когда меня изгнали... я падала целую вечность. Небо отвергло меня, и я рухнула в ледяное горное озеро. Удар должен был убить меня, но я выжила. И долго лежала на берегу, полумертвая, оглушенная болью от отрезанных крыльев.

Анта прикрыла глаза, вспоминая тот холод.

- А потом меня разбудил плач. Резкий, надрывный визг, от которого звенело в ушах. Я поползла на звук и увидела его. Крошечный, посиневший от холода комочек грязи. Младенец.

Она горько усмехнулась.

- Знаешь, Мария, Фтералес по природе своей высокомерны. Мы считаем себя венцом творения, а тех, кто ползает по земле - ошибкой. И я ненавижу себя за ту первую мысль... но тогда мне захотелось просто свернуть ему шею. Чтобы он замолчал. Чтобы не мешал мне умирать.

Мария вздрогнула, но промолчала.

- Но я остановилась. Я посмотрела на него... и увидела себя. Он был таким же брошенным. Выкинутым на мороз, как мусор. От него отказались родители, а от меня - мой народ. Два изгоя на краю света.

Анта посмотрела на свои руки.

- И я решила забрать его. Взять под своё... уже отрубленное крыло. Я потащила его в город людей. Я не знала, как ему помочь. Я даже не осознавала, что помощь нужна мне самой.

- И вы... выжили там? - вырвалось у Марии прежде, чем она успела прикусить язык.

Анта медленно моргнула, глядя на неё с легкой, снисходительной усмешкой.

- Догадайся.

Мария залилась краской, желая провалиться сквозь землю.

- Ой... прости. Это была очень глупая мысль.

- Бывает, - хмыкнула Анта, но тут же смягчилась. - Да, мы выжили. Это было восемьсот лет назад, Мария. Зима только начиналась. Люди еще помнили, что такое милосердие. Нам дали угол в ночлеге, дали еды... Местные женщины помогали мне с кормлением, ведь у фтералес нет молока. Они смотрели на меня - странную девочку со шрамами на спине и чужим ребенком - и не задавали лишних вопросов.

Она грустно улыбнулась, глядя в пустоту.

- Я ведь совсем не похожа на мать. Ни тогда, ни сейчас. Вечная девочка с ребенком на руках. Но он стал моим.

- А имя... Ты ему дала? - тихо спросила Мария.

- Когда меня спросили, как его зовут, я посмотрела на этого малыша, который цеплялся за жизнь вопреки всему... И я сказала: «Родион». На языке крылатых это значит «Герой». Это было моё обещание ему. Что он выживет и станет чем-то большим, чем просто брошенный сын.

Анта повернулась к Марии, и её взгляд стал серьезным.

- Пожалуйста, обещай, что это останется между нами. Родион... он стыдится своего начала. Он ненавидит свою беспомощность. Он хочет, чтобы все видели в нем воина, а не того плачущего ребенка в грязи. Но я помню его именно таким. И поэтому я никогда его не брошу.

Уголки губ Марии слегка приподнялись. В этом обещании родилась их настоящая связь.

- Обещаю. Это останется между нами.

Анта выдохнула, словно сбросив груз, и соскользнула с высокой кровати. Движение было таким плавным и тихим, что она напонила упавшее пёрышко.

Она порылась в бездонных карманах своего пуховика и выудила оттуда массивные очки-гоглы с темными, закопченными стеклами.

- Хорошо, что я их прихватила, - пробормотала она, натягивая ремешок. - Линзы скроют свечение глаз. Никто не должен прознать во мне фтералес.

Затем она взяла длинный шарф. Ловкими движениями Анта обмотала его вокруг головы, соорудив что-то вроде небрежного тюрбана. Плотная шерсть надежно скрыла и маленькие рожки, и перьевые отростки возле ушей.

Мария оценила результат. Перед ней стояла просто эксцентрично одетая девочка-подросток, каких в пустошах, наверное, хватает.

- С такой маскировкой и не скажешь, что ты - не человек, - заметила Мария. - Скорее... дочь механика.

- То, что нужно. Идем. Посмотрим, как живут люди.

Анта бесшумно выскользнула за дверь. Мария, помедлив секунду, повернула ключ в замке и поспешила следом.

Коридор был длинным и гулким. Вдоль стен тянулись ряды одинаковых деревянных дверей, освещенных тусклыми синими лампами. Их мертвенный, химический свет делал лица девушек похожими на маски утопленников.

Тишину нарушали лишь их шаги и падение капель.

Внезапно Мария замерла. Её взгляд зацепился за пятно на стене, у самого пола, возле капающей воды.

Зеленое.

В этом синюшном мире цвет ударил по глазам сильнее, чем вспышка.

Мох. Живой, влажный мох.

Желудок Марии тут же скрутило спазмом. После того мяса и чипсов она ничего не ела, а организм требовал калорий.

«Докатилась, - пронеслось в голове. - Готова лизать стены?»

«Зато это не люди», - тут же отозвался внутренний голос. «Это растение. Это нормально».

Она оглянулась. Анта ушла немного вперед.

Дрожащими пальцами Мария соскребла щепотку зелени. Она пахла сыростью и землей. Не давая себе времени передумать, она сунула это в рот.

На вкус...

Как мох.

Горько, вяжуще, с хрустом песка на зубах.

Мария скривилась, с трудом сдерживая рвотный позыв, но всё же проглотила этот комок.

- Я тебя не осуждаю, - раздался рядом спокойный голос.

Мария подпрыгнула. Анта стояла в двух шагах, поправляя гогглы, и смотрела на неё с легкой усмешкой.

- Ну как? Вкусно?

- Это лучше чем... то... м-мясо...

Анта вздохнула.

- Рано или поздно ты должна начать это есть. Долго ты так не протянешь...

Замаскированная крылатая не стала ждать ответа. Она развернулась и пошла дальше по коридору, и Марии пришлось ускориться, чтобы нагнать ее.

Вскоре узкий проход вывел их в огромную центральную пещеру.

Здесь былолюдно и душно. В центре пещеры полыхал большой костер, но пламя его было неестественным - холодным, ядовито-синим. Этот свет делал лица людей похожими на мертвецов.

Вокруг огня ютились десятки фигур. Многие стояли на коленях, странно сгорбившись и обхватив руками собственные шеи, словно защищая горло от невидимого ножа. Их глаза были закрыты, губы беззвучно шевелились. Молитва? Или коллективный психоз?

Но у самого огня, орудуя черпаками над котлами, стояли другие.

Их кожа была темной, как мореный дуб, резко контрастируя с бледностью местных. Они были закутаны в многослойные, пестрые, но выцветшие ткани. Казалось, эти двое пытались выжать из синего пламени всё тепло до последней капли.

- Не думала, что пустынные Архулы добрались даже сюда, - тихо пробормотала Анта, поправляя очки.

Заметив вопросительный взгляд Марии, она пояснила:

- Мысли вслух. Этот народ жил в Великой Пустыне. Если уж дети солнца бежали на ледяной север... значит, на юге дела совсем плохи.

Один из поваров, крепкий мужчина с поседевшей бородой, заметил их в тени.

- Mang-vhrentra! - зычно крикнул он, махнув половником. - Hoyt est Festill!

Мария не поняла слов, но интонация была ясна: «Идите жрать, сегодня праздник». Она уже хотела попятиться, но Анта больно сжала её запястье.

- Идем, - процедила крылатая сквозь зубы. - Не привлекай внимания.

Они подошли к котлам. Запах вареного мяса и специй ударил в нос. Повар, сияя шерба-той улыбкой, щедро плеснул густое варево в две глиняные миски.

- Eshun nyesai Krovar davad dos mangrot zu unz Urbfolk, - торжественно произнес он, указы-вая на куски мяса. - Неизвестный Мяслик (Krovar) подкинул общине Дос манг-рот.

Он подмигнул девушкам, словно сообщая радостную тайну:

- Di Viro zol mangsatis! На всех хватит, все будут сыты!

Пустынник поднял черпак к потолку пещеры, салютуя невидимому лидеру:

- Glor zu nyezhad OShen!

Толпа вокруг отозвалась нестройным гулом, повторяя славление О'Шену.

Мария застыла с миской в руках.

Слово «dos mang'rot» резануло слух. Она уже слышала его от Родиона у дверей.

Куски мяса, плавающие в бульоне, были до боли знакомыми. Волокнистые. Темные.

«Krovar... Мяслик...»

Это был мешок Родиона. Та самая плата за вход.

Она подняла взгляд на Анту. Та уже поднесла миску к губам, но не ела. Её скрытые очками глаза сверлили Марию. Анта наклонилась к самому уху девушки и прошептала:

- Ешь.

- Я не мо...

- Ешь, - жестче повторила ангел. - Если откажешься от «дара» - они решат, что ты брез-гуешь.

Она сделала вид, что пьет, и добавила едва слышно:

- И поверь, если Родион узнает, что ты поставила нас под удар из-за своей нежности... он будет в ярости.

Мария смотрела в свою глиняную миску. В мутной жиже плавал кусок серого мяса. Пар бил в лицо, но она чувствовала только холод.

Взгляд остекленел. Апатия накрыла её защитным куполом.

«Ешь или сдохни», - эхом пронеслось в голове. Голос из кошмара. Голос Родиона.

Выбор был простым и крайне ужасным.

Съесть это - и окончательно потерять право называться человеком?

Или отказаться - и стать изгоем? Подорвать доверие всех в этом мире?

Мария представила лицо Родиона, если она всё испортит. Он не будет кричать. Он просто посмотрит на неё тем самым взглядом, которым смотрел на того японца, когда перерезал ему шею. Как на сломанный инструмент, который проще выбросить, чем чинить.

И это пугало сильнее смерти.

Дрожащей рукой она поднесла ко рту первую ложку.

Слезы текли по щекам беззвучным потоком, капая прямо в бульон, смешивая соль её горя с солью чужой плоти.

Анта бесшумно подседа ближе, закрывая её спиной от взглядов остальных. Она положила руку на плечо Марии, нежно и осторожно.

Другой рукой она стирала слезы с лица девушки.

- Давай, - прошептала Анта. - Просто глотай. Не жуй. У тебя получится.

Заливаясь слезами, она начала есть одну ложку за другой.

Первая ложка. Горло сжалось, пытаясь вытолкнуть еду обратно, но Мария силой воли заставила себя сделать глоток.

Вторая.

Третья.

Страх выдать себя оказался сильнее отвращения. Инстинкт самосохранения взял верх над моралью. Она ела механически, превратившись в машину по переработке калорий.

Когда дно миски показалось из-под жижи, Мария отложила ложку. Её трясло.

Анта наклонилась к ней, её голос был тихим и спокойным:

- Молодец. Я горжусь тобой.